

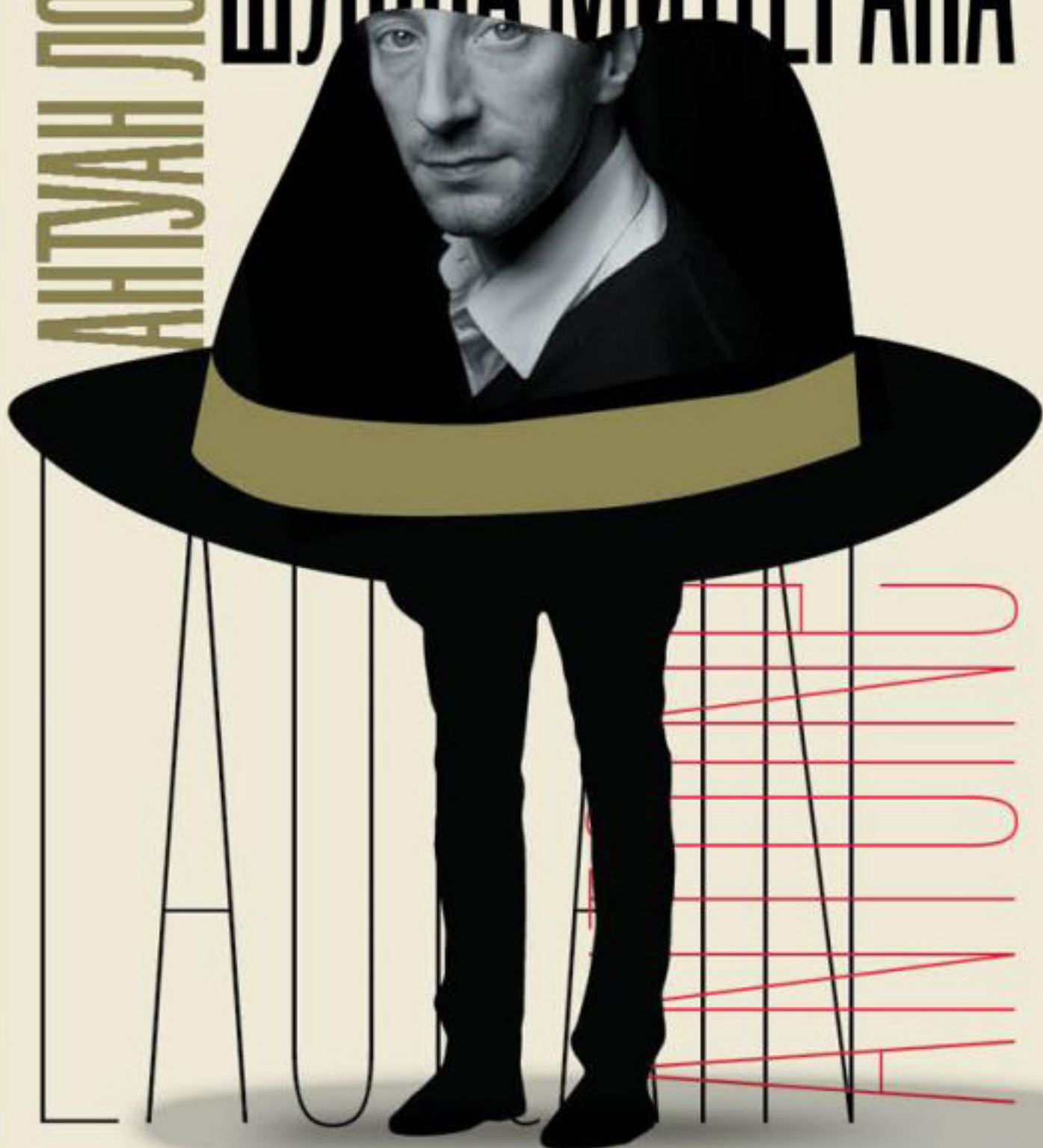
LE

CHATEAU DE

MITTERRAND

АНТУАН ЛОРЕН

ШЛЯПА МИТТЕРАНА

Антуан Лорен

Шляпа Миттерана

«Издательство Ольги Морозовой»

2012

УДК 821.133.1-3Лорен
ББК 84(4Фра)-44

Лорен А.

Шляпа Миттерана / А. Лорен — «Издательство Ольги Морозовой», 2012

Перед вами по-французски очаровательная и полная юмора история приключений... шляпы. Начинаясь как комедия, сюжет разворачивается в увлекательный детектив, а затем в любовно-шпионский роман с подключением секретных служб... Президент Франсуа Миттеран забыл в ресторане любимую фетровую шляпу. Даниэль прихватил шляпу в качестве сувенира – и с этого момента его карьера пошла вверх! Затем шляпа переходит в руки начинающей писательницы, создателя духов, богатого буржуа, счастливо изменяет жизнь каждого и снова теряется... Но, как говорится, от судьбы не уйдешь: шляпа-талисман возвращается к своему хозяину, который легко побеждает на очередных выборах.

УДК 821.133.1-3Лорен
ББК 84(4Фра)-44

© Лорен А., 2012
© Издательство Ольги
Морозовой, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	20
-----------------------------------	----

Лорен Антуан

Шляпа Миттерана

Copyright © Editions Flammarion, 2012

© Издательство Ольги Морозовой, 2015

© Е. Головина, перевод, 2015

© Д. Черногаев, оформление, 2015

* * *

Даниэль Мерсье поднимался, раздвигая толпу, по лестнице вокзала Сен-Лазар. Навстречу ему шагали мужчины и женщины – с атташе-кейсами или даже чемоданами в руках. Они двигались быстро, с выражением озабоченности на лицах. Странно, что никто его не толкал; наоборот, складывалось впечатление, что ему уступают дорогу. Преодолев последнюю ступеньку, он вышел в зал ожидания, пересек его и выбрался на платформу. Здесь народу было еще больше; толпа пассажиров текла непрерывным потоком; чтобы добраться до табло прибытия поездов, ему пришлось поработать локтями. Ага, нужный поезд приходит на 23-й путь. Он отошел подальше от табло и остановился возле турникетов.

Поезд номер 78654 прибыл в 21.45. Заскрежетали тормоза, и на платформу хлынул очередной поток пассажиров. Даниэль вытягивал шею, высматривая в толпе жену и сына. Первой он увидел Веронику – жену. Она помахала ему, а потом провела рукой вокруг головы, не забыв соорудить удивленную гримасу. Зато Жером рванул к отцу и налетел на Даниэля, едва не сбив его с ног. Тут подросла запыхавшаяся Вероника.

– Что это на тебе за шляпа? – оглядев мужа, спросила она.

– Это шляпа Миттерана.

– Сама вижу, что это шляпа Миттерана.

– Да нет, – возразил Даниэль. – Я имею в виду, это *действительно* шляпа Миттерана.

Еще на вокзале, услышав от мужа, что “это действительно шляпа Миттерана”, Вероника склонила голову и слегка нахмурила брови, как делала всегда, сталкиваясь с предметом, вызывавшим у нее недоумение. Точно так же она, например, реагировала, когда Даниэль предложил ей выйти за него замуж или, еще раньше, на их первом свидании, когда он пригласил ее на выставку в Центр Помпиду. Кстати, не в последнюю очередь за эту манеру слегка хмурить брови он в нее и влюбился.

– Может, объяснишь, в чем дело? – недоверчиво проговорила она.

– Пап, у тебя что, правда шляпа Миттерана?

– Да, – ответил Даниэль, подхватывая их чемоданы.

– Ты что теперь, президент?

– Да, я президент, – согласился Даниэль, чрезвычайно довольный подобным поворотом детской мысли.

В машине Даниэль наотрез отказался сообщать какую-либо информацию: “Дома расскажу”. Настойчивые требования Вероники не увенчались успехом. Когда они поднялись к себе на семнадцатый этаж многоквартирного в Пятнадцатом округе, Даниэль объявил, что приготовил ужин. При виде блюда с холодным мясом и курицей, салата из помидоров с базиликом и тарелки сырного ассорти Вероника не сдержала восхищенного вздоха – муж добровольно возлагал на себя кухонные обязанности не чаще пары раз в год. Первым делом – аперитив.

– Присядь-ка, – велел жене Даниэль, так и не снявший шляпы. Вероника повиновалась. К ней тут же присоединился Жером, тесно прижавшись к материнским коленям. – За нас! – Даниэль торжественно чокнулся бокалом с женой. Жером вслед за родителями поднял стакан с апельсиновой газировкой.

Даниэль снял шляпу и протянул ее жене. Она бережно взяла головной убор и провела по фетру пальцем. То же самое сделал Жером.

– Ты руки не забыл помыть? – немного обеспокоенно спросила она. Затем перевернула шляпу. На прикрепленной с внутренней стороны кожаной ленте ясно читались золотые буквы: “Ф. М.”. Вероника подняла глаза к мужу.

Накануне Даниэль остановил свой “Гольф” неподалеку от перекрестка. Выключил радио, по которому мямля-певица утверждала, что всем прочим материям предпочитает вату. Этот последний *хит* с назойливым вялым припевом уже лез у него из ушей. Он энергично потер плечо и постарался хрустнуть шеей, впрочем, безуспешно. Жена с сыном уехали на каникулы в Нормандию, к ее родителям, и от них не было ни слуху ни духу. Может, дома на автоответчике будет сообщение? Кассета в телефоне заедала уже несколько дней. Придется покупать новый аппарат. “Интересно, – задумался Даниэль, – как раньше люди обходились без автоответчиков? Телефон звонил в пустоту, никто не снимал трубку, и ты говорил себе: ну ничего, попозже перезвоню. Вот и все”.

Одна мысль о том, чтобы самостоятельно сходить в магазин, а потом еще в одиночестве готовить себе еду, казалась ему невыносимой. Часов около четырех, проверяя последние командировочные отчеты сотрудников фирмы “Сожетек”, он представил себе хороший, уютный ресторан. Он уже год не бывал в приличном месте. В последний раз они выбирались вместе с Вероникой и Жеромом. В свои шесть лет сынишка вел себя на удивление пристойно. Они заказали большое блюдо морепродуктов, бутылку пюйи-фюиссе и котлету с картофельным пюре для Жерома, к разочарованию отца, заявившего, что он ни за что не станет пробовать устрицы.

– Ну, хоть одну штучку!

– Нет, – решительно покачал головой мальчик.

– Успеет еще, – вступилась за сына Вероника. Она была права, у Жерома вся жизнь впереди.

Часы показывали восемь вечера. На город уже напал предзимний холод, приглушая привычные шумы и рокот автомобильного движения. Даниэль уже несколько раз проехал мимо того ресторанчика. Чуть ли не на ощупь пробираясь между бульваром и прилегающей улочкой, он наконец-то обнаружил его. Точно, тот самый! Тот же повар-устричник перед входом, те же красные шторы, те же официанты в белых фартуках.

Его ждал одинокий ужин – без жены, без ребенка. До женитьбы он иногда устраивал себе такие. Правда, в те годы у него были не те заработки, чтобы ходить по шикарным местечкам. Но все равно даже в самом скромном заведении он всегда заказывал хорошую еду. И не нуждался ни в чьей компании, чтобы насладиться андулетом, славным куском мяса или блюдом морских улиток. День клонился к вечеру, и Даниэль уже предвкушал радости холостяцкой трапезы. Ему понравилось это выражение. Холостяцкая трапеза, повторил он про себя, хлопая дверцей “Гольфа”. Даниэль испытывал потребность “обрести себя”, как в передаче телеканала “Антенна-2” говорила одна гостья, дама-психотерапевт, недавно выпустившая книжку, посвященную стрессу на работе. Даниэлю формулировка показалась исполненной глубокого смысла. Он устроит гастрономическую разгрузку и попытается обрести себя, расслабившись после трудного дня и выбросив из головы всю цифирь и нервотрепку, связанную с последней реорганизацией финансового отдела. На должность начальника поставили Жана Мальтара, и Даниэль, исполнявший обязанности его заместителя, не ждал от этого назначения ничего хорошего – ни для отдела, ни для себя лично. Шагая через бульвар, он твердо решил не думать о работе.

Сейчас он толкнет тяжелую дверь ресторана, и все это – Жан Мальтар, фирма “Сожетек”, расходные счета и НДС – перестанет для него существовать. Останется только королевское блюдо морепродуктов. И он сам.

Официант в белом фартуке вел его за собой мимо длинного ряда столиков, за которыми сидели семейные пары, влюбленные и туристы; они улыбались друг другу, покачивали головой и, не переставая жевать, разговаривали. Он сумел разглядеть, что лежит на тарелках: дары моря, антрекоты с паровым картофелем, говяжья вырезка под соусом беарнез. Еще в дверях метрдотель – долговязый субъект с тоненькими усиками – поинтересовался, заказан ли у него стол. Даниэль испугался было, что его плану провести уютный вечерок грозит провал.

– Я не успел, – бесцветным голосом произнес он.

Метрдотель приподнял левую бровь и уставился в свой блокнот. В это время к ним подошла молоденькая блондинка.

– Двенадцатый стол полчаса назад снял заказ, – сообщила она, тыкая пальчиком в строчку в списке бронирования.

– Почему никто не поставил меня в известность? – возмутился метрдотель.

– Я думала, Франсуаза вам сказала, – безразлично бросила девица и удалилась как ни в чем не бывало.

Метрдотель зажмурился. На его лице нарисовалось болезненное выражение, выдававшее внутреннюю борьбу человека, сдерживающегося из последних сил, чтобы не дать выход гневу на распутившийся персонал.

– Сейчас вас проводят к столику, месье, – сказал он Даниэлю, указывая подбородком на мгновенно возникшего рядом официанта.

Столы в пивных ресторанах всегда застилают белоснежными до голубизны скатертями, способными ранить глаз не хуже горного снега. Бокалы и серебряные столовые приборы буквально сияли. Для Даниэля этот особенный блеск, характерный для сервировки лучших ресторанов, всегда символизировал само понятие роскоши. Официант принес меню и карту вин. Даниэль открыл обложку из красного кожаного материала и погрузился в чтение. Цены существенно превосходили его ожидания, но он решил не обращать внимания на эту деталь. “Королевское блюдо даров моря” занимало центр страницы. Выписанное каллиграфическим почерком, под названием значилось: устрицы, выращенные в садке; бретонские вогнутые и плоские устрицы; половина краба; венерки; пальчатые креветки; лангустины; морские улитки; серые креветки; морские петушки; венусы; глицимерисы; литторины. Даниэль перешел к карте вин и стал искать пуйи-фюиссе или фюме. Вино у них тоже стоило значительно дороже, чем он предполагал. Он заказал “Королевское блюдо” и полбутылки пуйи-фюиссе.

– К сожалению, оно у нас только в больших бутылках, – сообщил официант.

Даниэлю не хотелось выглядеть жмотом.

– Пусть будет бутылка, – сказал он, закрывая карту вин.

За столиками в основном сидели парочки. Чисто мужские компании были представлены господами в серых, как у Даниэля, костюмах с галстуками, явно купленных в дорогих магазинах. Возможно даже, сшитых на заказ. Так, стол неподалеку занимали четверо мужчин под пятьдесят, по всей видимости, собравшиеся отметить окончание трудного дня и подписание выгодного контракта. Они неторопливо попивали вино – судя по всему, превосходное. Их лица не покидала спокойная уверенная улыбка, свидетельствовавшая о том, что жизнь удалась. За столиком перед огромным зеркалом сидела элегантная дама в красном платье, слушая седовласого мужчину, которого Даниэль видел только со спины. Время от времени она принималась рассеянно оглядывать зал, после чего снова возвращалась взглядом к собеседнику. Она явно томилась скукой. Сомелье принес серебряное ведерко на ножке, в котором плавала во льду бутылка пуйи. Вооружившись штопором, он приступил к ритуалу откупоривания, не забыв поднести к носу извлеченную пробку. Даниэль сделал глоток – вино показалось ему хорошим.

Он не принадлежал к числу знатоков, способных различать оттенки вкуса и букета и высказывать свое мнение в изысканных выражениях. Сомелье с немного снисходительным видом, как это свойственно всем представителям его профессии, ждал одобрения клиента. Даниэль легонько кивнул, как, на его взгляд, должен был кивнуть тонкий ценитель белых бургундских вин. Сомелье с полуулыбкой наполнил его бокал и удалился. Чуть погодя официант поставил на белую скатерть круглую подставку, что означало: его заказ на подходе. Вскоре последовали: корзинка с черным хлебом, чашечка уксуса с луком-шалотом и масленка с маслом. Даниэль намазал маслом ломтик хлеба и краешком окунул его в уксус. Он всегда так делал, если ел в ресторане дары моря. Глоток ледяного вина заглушил вкус уксуса. Даниэль удовлетворенно вздохнул. Он обрел себя.

Прибыли дары моря, разложенные по видам на колотом льду. Даниэль взял устрицу, поднес к ней четвертушку лимона и слегка надавил. Капля сока упала на тонкую, мгновенно съжившуюся мембрану. Погруженный в изучение радужных переливов устричного мяса, Даниэль едва обратил внимание на смену состава за соседним столом. Подняв голову, он увидел, как усатый метрдотель здоровается с вновь прибывшим посетителем. Мужчина размотал свой красный шарф, снял пальто и шляпу и сел на диванчик рядом с Даниэлем.

– Может быть, отнести в гардероб? – предложил метрдотель.

– Нет-нет, спасибо, не нужно. Я на диван положу.

– Вы не против, месье?

– Нисколько, – чуть слышно ответил Даниэль. – Прошу вас, – добавил он еще тише.

Рядом с ним только что сел Франсуа Миттеран.

Напротив главы государства уселись двое мужчин. Один – коренастый и толстый, в очках и с курчавыми волосами, второй – стройный, седовласый, с элегантно зачесанными назад волосами. Седой одарил Даниэля короткой благожелательной улыбкой; тот, собрав остатки неприужденности, постарался ответить такой же. Где-то он уже видел этого человека с тонкими губами и пронзительным взглядом. Ах да, это же Ролан Дюма! Министр иностранных дел. Восемь месяцев назад, после того как Миттеран проиграл парламентские выборы, ему пришлось уступить свой пост другому.

“Я сижу и ужинаю рядом с президентом республики”, – несколько раз повторил про себя Даниэль, надеясь придать подобие реальности этому новому фантастическому факту. Первую устрицу он проглотил, не почувствовав никакого вкуса, настолько все его внимание было поглощено соседом по столу. Странность ситуации навела его мысль о том, что сейчас он, возможно, проснется у себя в постели и поймет, что нынешний день еще не начинался. Взгляды остальных посетителей ресторана с нарочитым равнодушием скользили по тому концу зала, в котором находился Даниэль. Он взял вторую устрицу и осторожно покосился налево. Президент надел очки и погрузился в изучение меню. Даниэль постарался запечатлеть на сетчатке глаза священный профиль, знакомый по фотографиям в журналах и телепередачам, в том числе предновогодним: последние пять лет этот человек 31 декабря неизменно появлялся на экране с пожеланиями счастья и успехов. Но теперь Даниэль видел его наяву, как говорится, во плоти. Протяни он руку, мог бы до него дотронуться. Вернулся официант; президент заказал дюжину устриц и лосося. Толстяк выбрал паштет с белыми грибами и мясо с кровью. Ролан Дюма последовал примеру президента: устрицы и рыба. Через несколько минут к их столику подошел сомелье с серебряным ведерком на ножке; во льду плавала еще одна бутылка пуйи-фюиссе. Сомелье изящным жестом откупорил ее и налил в президентский бокал немного вина. Франсуа Миттеран попробовал вино и чуть заметно кивнул головой. Даниэль наполнил свой бокал и осушил его в два глотка, после чего зачерпнул чайной ложкой немного красного уксуса с луком-шалотом и полил очередную устрицу.

– На прошлой неделе я так и сказал Гельмуту Колю... – Это был голос Франсуа Миттерана.

Даниэль подумал, что отныне не сможет съесть устрицу с уксусом без того, чтобы в ушах у него прозвучало: “На прошлой неделе я так и сказал Гельмуту Колю...”

Официант поставил перед толстяком маленькую бутылочку красного, и тот поспешил наполнить свой бокал. Второй официант уже нес им закуски. Толстяк попробовал паштет, одобрительно кивнул и завел рассказ о запеченном паштете со сморчками. Президент проглотил устрицу. Даниэль извлек обернутую фольгой булавку из раковины литторины.

– У Мишеля в погребе чего только нет! – с заговорщическим видом проговорил Ролан Дюма. Президент поднял глаза к “Мишелю”, который немедленно перешел к повествованию о своем доме в провинции и его погребе, служащем хранилищем сигар из разных стран света, а также колбас.

– Забавная идея – коллекционировать колбасу, – заметил Франсуа Миттеран и выжал на устрицу четвертушку лимона. Даниэль проглотил десятую литторину и снова бросил беглый взгляд налево. Президент доел последнюю устрицу и вытирал рот безупречно чистой салфеткой.

– Да, пока не забыл, – обратился он к Ролану Дюма, – номер телефона нашего друга.

– Да-да, конечно, – отозвался Дюма и полез в карман пиджака. Президент потянулся к своему пальто, приподнял лежавшую сверху шляпу и переложил ее за медную балку, ограждавшую диванчики. Достав из кармана кожаную записную книжку, он опять надел очки и принялся ее листать.

– Вот, последняя фамилия на странице, – сказал он, передавая книжку Дюма. Тот взял ее и переписал в собственную имя и координаты нужного человека, после чего вернул книжку Франсуа Миттерану, который убрал ее в карман пальто. “Мишель” пустился в рассказ о человеке, фамилия которого ничего не говорила Даниэлю. Дюма слушал его, прищурив глаза.

Франсуа Миттеран чуть улыбнулся:

– Вы слишком суровы, – насмешливо сказал он, словно побуждая собеседника поведать продолжение истории.

– Да нет же, говорю вам, так и было, я сам при том присутствовал! – воскликнул тот, намазывая на хлеб остатки паштета. Даниэль слушал их разговор, боясь упустить хоть слово. Его охватило сумасшедшее чувство причастности к чему-то великому. Зал ресторана опустел. Во всем мире их осталось всего четверо. “А вы, Даниэль, что вы об этом думаете?” Даниэль повернулся бы к главе государства и высказал мнение, глубоко заинтересовавшее Франсуа Миттерана. Президент согласно кивнул бы ему, после чего Даниэль повернулся бы к Роману Дюма, и тот тоже выразил бы свое одобрение. Наконец, весельчак Мишель добавил бы: “Ну разумеется, Даниэль совершенно прав!”

– Какая красивая женщина... – тихо произнес Франсуа Миттеран. Даниэль проследил за его взглядом. Президент смотрел на брюнетку в красном платье. Дюма воспользовался появлением официанта с новыми блюдами, чтобы осторожно повернуться в нужную сторону. То же сделал и толстяк. “Очень красивая”, – подтвердил он. “Согласен”, – не стал спорить Дюма. Даниэль чувствовал, что они с президентом заодно. Франсуа Миттеран заказал то же вино, что и он, и теперь обратил внимание на ту же женщину. Тот факт, что твои вкусы совпадают с вкусами главы государства, – это вам не абы что! Подобные замечания о женщинах, сделанные в чисто мужской компании, цементируют дружбу, и в мечтах Даниэль уже был четвертым сотрапезником за президентским столом. У него тоже была записная книжка черной кожи, и бывший министр с довольным видом переписывал из нее контакты. Погреб толстяка он знал как свои пять пальцев и регулярно навещался туда отведать колбасы и выкурить лучшую в мире гавану. Но главное, он сопровождал президента в его прогулках по Парижу, вдоль набережных Сены, мимо лавок букинистов, и они, одинаково сложив руки за спиной, рассуждали о

судьбах мира или просто любовались закатом на мосту Искусств. Прохожие оборачивались им вслед, узнавая два ставших привычными силуэта, а друзья и приятели Даниэля восхищенно шептали: “О да, он очень близко знаком с Франсуа Миттераном...”

– Все хорошо?

Голос официанта вырвал его из задумчивости. Да-да, все замечательно, и он намерен просидеть над своим королевским блюдом столько, сколько понадобится. Хоть до закрытия ресторана. Он ни за что не встанет из-за стола раньше президента. Чтобы потом иметь возможность говорить: “В ноябре 1996 года я ужинал в пивном ресторане рядом с Франсуа Миттераном. Он сидел за соседним столом, и я видел его так же ясно, как вижу тебя”. В мозгу у Даниэля уже сами собой складываются фразы, которые ему предстояло произносить в течение ближайших десятилетий.

Прошло два часа и семь минут. Франсуа Миттеран растворился в ночи, сопровождаемый Роланом Дюма и толстяком. Метрдотель почтительно распахнул перед ними двери. Все трое на десерт заказали крем-брюле. Толстяк достал из кожаного футляра сигару, жестом показав, что закурит на улице – они ведь собираются немного пройтись? Дюма расплатился купюрой в 500 франков. “Ну что, пошли?” – спросил президент. Дюма поднялся. Появилась девушка-гардеробщица. Она помогла надеть пальто сначала ему, а затем “Мишелю”, который пожаловался на боль в спине; президент оделся самостоятельно, обмотав вокруг шеи красный шарф. Воспользовавшись моментом, он посмотрел на брюнетку; их взгляды встретились. Она слегка улыбнулась, и президент, должно быть, ответил ей тем же, но этого Даниэль уже не видел. Затем вся троица направилась к выходу. Посетители ресторана как по команде склонили друг к другу головы, и шум разговоров в зале на несколько секунд стих. Ну вот и все. Не осталось ничего. Только пустые тарелки, столовые приборы, бокалы и чуть смятые белые салфетки. Обычный стол, подумал Даниэль. Через пару минут посуду уберут, скатерть заменят, и за него сядет новый клиент, которому и в голову не придет, что какой-нибудь час назад на этом самом месте ужинал президент республики.

Даниэль устался на последнюю, чуть мутноватую устрицу, уже добрых двадцать минут ожидавшую своей очереди на подтаявшем льду. Он полил ее уксусом и отправил в рот. Йодистый вкус разлился по языку, смешанный с перечной горечью уксуса. “На прошлой неделе я так и сказал Гельмуту Колю”. Да, отныне эта фраза будет преследовать его всю жизнь. Даниэль допил последний глоток пуйи и поставил бокал на стол. Фантастический ужин! И ведь все зависело от такой малости! Реши он пойти после работы домой... Выбери другой ресторан... Не окажись здесь свободного столика... Ведь человек, забронировавший этот стол, мог и не отменить заказ! Самые значительные события нашей жизни суть не что иное, как последнее звено цепи самых пустяковых совпадений. От этой мысли у него слегка закружилась голова – если только виновником головокружения не были 750 миллилитров пуйи-фюиссе. Он вздохнул, прикрыл глаза и дернул шеей, одновременно подняв левую руку до уровня медной полки. Его рука ощутила прикосновение холодного металла. Но не только. Он нащупал что-то мягкое и податливое, съездившееся под пальцами словно устрица. Даниэль поднял глаза к медной полке и увидел шляпу. И тут же инстинктивно перевел взгляд на входную дверь. С момента ухода президента прошло несколько минут. Возле дверей никого не было. “Надо позвать официанта”, – подумал Даниэль, но, как назло, ни одного из них в поле зрения не оказалось. Франсуа Миттеран забыл свою шляпу. Эта мысль постепенно формировалась в мозгу Даниэля, наполняясь смыслом. Это шляпа Миттерана. Вот она, рядом с тобой. Это вещественное доказательство реальности сегодняшнего вечера, фактическое свидетельство того, что он Даниэлю не приснился. Он снова повернулся к шляпе, аккуратно лежащей на медной полке перед зеркалом. За черным фетром его взору предстало отражение всего зала. Вместо того чтобы кликнуть метрдотеля, смиренно сказать ему: “Кажется, мой сосед забыл свою шляпу” – и получить в ответ раболепную благодарность, Даниэль поддался иррациональному порыву. Ему даже почу-

дилось, что он раздваивается: как будто посреди зала стоял второй Даниэль Мерсье, внимательно следивший за тем, что с неизбежностью должно было произойти в следующую секунду. Даниэль, как бы глядя на себя со стороны, увидел, как его рука тянется к медной полке, хватая край черной фетровой шляпы, аккуратно приподнимает ее и быстрым жестом стягивает вниз, на красный бархат дивана, после чего перекладывает к себе на колени. Все вместе заняло у него не более трех с половиной секунд, хотя ему показалось, что прошла вечность. Когда он снова обрел возможность слышать гомон зала, у него было ощущение, что он вынырнул из-под воды, где находился непозволительно долго. В висках стучало, сердце колотилось как бешеное. А что, если кто-нибудь видел, что он натворил, мелькнула у него паническая мысль. Телохранитель? Или сам президент? Что он им скажет? Как объяснит, почему у него на коленях покоится чужая шляпа?

Он только что совершил кражу. Такое с ним уже случалось. Мальчишкой он поддался на уговоры приятеля и отправился вместе с ним в торговый пассаж в Курбеуа. Там они стырили диск-сорокопятку “Алина” певца Кристофа. Но после того памятного дня 1965 года – ни-ни. Сегодняшний поступок по тяжести содеянного не шел ни в какое сравнение с воровством пластинки в супермаркете. Даниэль сидел, застыв как истукан, и изучал взглядом посетителей ресторана. Нет, никто ничего не заметил. С этой стороны опасаться нечего, однако ему следовало поскорее убраться вон от греха подальше. Пока не позвонил президент справиться насчет шляпы. Пока официанты под гневным взглядом метрдотеля не облепили соседний стол. Даниэль попросил счет. “Платить буду картой”, – предупредил он. Официант принес портативный аппарат. На сумму Даниэль даже не посмотрел – ему было не до того. Он вбил свой код, и аппарат со скрипом выдал чек. Даниэль порылся в карманах в поисках мелочи и опустил монеты в тарелочку серебристого металла. Официант в знак благодарности изобразил полупоклон и удалился. “Пора”, – сказал себе Даниэль. Он налил в стакан воды – в горле пересохло, – выпил залпом, затем осторожно приподнял край скатерти, снял с колен шляпу и водрузил себе на голову. Шляпа пришлась ему впору. Затем надел пальто и на подгибающихся ногах двинулся к выходу. Он ждал, что его остановит метрдотель: “Простите, месье! Но эта шляпа... Извините, но...” В действительности ничего подобного не произошло. Даниэль оставил на чай 15 франков, и официанты провожали его ласковым наклоном головы. Даже метрдотель изобразил на лице улыбку, заставившую встопорщиться его усишки. Перед ним распахнули дверь, и он вышел на холод. Поднял воротник пальто и зашагал к машине. “У меня на голове шляпа Миттерана”, – повторял он про себя. В машине он повернул зеркальце и некоторое время молча рассматривал себя в шляпе. Ему казалось, что его мозг плавает в прохладном растворе аспирина. Пузырьки кислорода приятно щекотали давно омертвевшие зоны. Он повернул ключ зажигания и тихо двинулся вперед.

Он долго катался по своему району, прежде чем загнать автомобиль на пятый этаж подземной стоянки. Он мог бы так ездить бесконечно, ни о чем не думая. Его охватило приятное чувство веры в себя, сладостное, как горячая ванна. В пустой гостиной он сел на диван и поймал свое отражение в погасшем экране выключенного телевизора. Мужчина в шляпе, неторопливо покачивающий головой. Он просидел так около часа, глядя на себя и наслаждаясь ощущением почти мистической безмятежности. Только в два часа ночи он прослушал на автоответчике сообщение от жены. В Нормандии все хорошо, Вероника с Жеромом приезжают завтра, поезд прибывает на вокзал Сен-Лазар в 21.45. Даниэль разделся. Последней он снял шляпу. И с восторгом прочитал на черной кожаной ленте две выбитые золотом буквы: “Ф. М.”.

Рассказывая о своем вечернем приключении, он позволил себе лишь небольшое отступление от истины: блюдо морепродуктов сократилось до двадцати четырех устриц, половинки краба и морских улиток. Он знал, что, начини он излагать все подробности этого невероятного ужина, Вероника, скорее всего, сосредоточит свой интерес на размере счета. А реплики типа:

“Да уж, пока нас нет, ты себе ни в чем не отказываешь!” или “Вот так, значит, пируешь в одиночку!” – нарушили бы связность его истории. Тогда как в версии Даниэля появление главы государства приобретало библейскую тональность, а фраза: “На прошлой неделе я так и сказал Гельмуту Колю”, произнесенная под устрицы с уксусом, звучала божественным заветом, исторгнутым из бездонных небесных глубин.

– И все-таки я поражена.

– Поражена? Но чем? – не понял Даниэль.

– Тем, что ты украл шляпу. Это на тебя не похоже.

– Ну, я ее не совсем украл, – возразил он, неприятно задетый замечанием жены, хотя сам себе говорил ровно то же самое. – Скажем так: я ее не вернул.

Аргумент сработал. В итоге Даниэлю удалось убедить Веронику, что, оставив шляпу себе, он поступил разумно, потому что ее наверняка присвоил бы усатый метрдотель или, что еще хуже, другой посетитель ресторана, даже не подозревающий, какая выдающаяся шляпа попала ему в руки. Завершив скромную трапезу и уложив Жерома, они вернулись в гостиную. Вероника взяла в руки шляпу и кончиками пальцев погладила мягкий фетр – нежно и как будто немного печально. “Жаль”, – думала она, – что Даниэль не обратил внимания на шляпу раньше, пока Франсуа Миттеран еще не вышел из ресторана, – тогда он мог бы с улыбкой протянуть ее владельцу.

– Вы с ним хоть на секунду, но стали бы ближе, – с досадой произнесла она.

– Да, но он был уже далеко, – ответил Даниэль. Несмотря ни на что, его вполне устраивало, как все обернулось: ведь теперь он мог носить президентский головной убор.

– Я ни в малейшей мере не разделяю вашу точку зрения, месье Мальтар, – сказал Даниэль и покачал головой. Рукой он незаметно коснулся шляпы, лежавшей перед ним на столе зала заседаний. Жан Мальтар и остальные десять сотрудников финансового отдела, присутствовавшие на утреннем одиннадцатичасовом совещании, посмотрели на него с изумлением. Даниэль выждал несколько секунд, с загадочной улыбкой слушая притихшую аудиторию, а затем разбил пункт за пунктом всю аргументацию нового начальника финансового отдела. Ему представилось, как он ступенька за ступенькой взбирается по дипломатической лестнице, двигаясь с легкой уверенностью дельфина, рассекающего морские волны. Он закончил свое выступление, и упала гробовая тишина. Бернар Фальгу смотрел на него разинув рот. Мишель Карнаван притворно закашлялась, но тут же, устыдившись трусости коллег-мужчин, громко заявила:

– Я думаю, Даниэль сформулировал все наши опасения.

– И сформулировал блестяще! – подхватил Бернар Фальгу, дернувшись, как от удара током малой частоты. Мальтар бесстрастно смотрел на Даниэля.

– Месье Мерсье, – наконец ледяным тоном произнес он, – вы прямо стратег.

Шеф финансового департамента Жан-Бернар Демуан, специально приехавший, чтобы принять участие в совещании, посвященном новым целям и задачам отделения “Северный Париж” компании “Сожетек”, все время, пока говорил Даниэль, не сводил с него глаз. Не успел он черкнуть пару строк у себя в блокноте, как Даниэль снова взял слово и с цифрами в руках убедительно показал, что делить финансовый отдел на три подразделения неразумно; в крайнем случае можно разделить на два.

– Всем спасибо, – сказал Жан-Бернар Демуан. – Можете вернуться к работе. Месье Мальтар, оставайтесь, пожалуйста.

Тот выдавил из себя покорную улыбку и поднял голову на Даниэля. Лишь Бернар Фальгу заметил, с какой холодной ненавистью он посмотрел на своего заместителя. Едва они вышли из зала заседаний, Фальгу схватил Даниэля за руку.

– Ты его убил! – воскликнул он. – Ты прикончил Мальтара!

– Да нет же, ничего подобного, – захлопал ресницами Даниэль.

– Именно что прикончил, – вступила в разговор Франсуаза. – Теперь его выпрут, я не сомневаюсь. Думаешь, зачем Демуан его задержал? Ты камня на камне не оставил от его предложений.

Сослуживцы сгрудились вокруг Даниэля, крайне взволнованные тем фактом, что в их коллеге обнаружилась спокойная сила, сумевшая защитить их интересы лучше, чем самый радикальный деятель профсоюза или самый красноречивый адвокат. Они наперебой восхищались его выдержкой, его самообладанием, его невероятной способностью в безупречно корректной форме говорить начальству гадости.

– Высший класс! – подвела итог Мишель Карнаван.

Вернувшись к себе в кабинет, Даниэль уселся во вращающееся кресло, огладил шляпу, которую положил на стол, закрыл глаза и расслабился. Ни малейших признаков глухой тревоги, знакомой ему с детства, он не ощущал. Напротив, на него снизошло полнейшее умиротворение. Еще пару дней назад при одной мысли о том, что он посмеет возражать Жану Мальтару, у него поднялось бы давление, а после обеда замучила бы изжога. Напряженный, как арбалетная струна, он бы до вечера прокручивал в голове сцену стычки, костеря себя на чем свет стоит за неудачную фразу, неточное слово и не там поставленную точку, из-за которых позорно проиграл Мальтару. К концу дня он был бы без сил, выжатый как губка. Но в настоящий момент ничего подобного не наблюдалось. Он чувствовал себя прекрасно, словно не сидел в кабинете, а гулял летним вечером по песчаному пляжу. Впрочем, он уже не очень удивлялся. Просто истинный Даниэль Мерсье наконец-то явил себя миру. Предыдущая версия была лишь черновым наброском, своего рода эскизом. Он поднял жалюзи на окне, чтобы в комнату проникло зимнее солнце, и погрузился в изучение документации фирмы “Сожетек”.

В самом начале восьмого застекленная дверь кабинета распахнулась, и в него без стука вошел Жан Мальтар.

– Почему домой не уходите? – сухо поинтересовался он. – Учтите, за переработку вам никто платить не собирается.

Даниэль поднял на него спокойный взгляд:

– Сейчас доделаю отчет по “Софрему” и пойду.

– Завтра доделаете! – рявкнул Мальтар. – Рабочий день окончен. Все разошлись. И вы идите!

Даниэль, ни слова не говоря, завернул колпачок на своем паркере – подарке жены на пятую годовщину свадьбы, – выключил компьютер, встал из-за стола и надел шляпу. “Человек в шляпе, – подумалось ему, – получает власть над человеком без шляпы”. Действительно, Жан Мальтар стал как будто меньше ростом – он скукожился прямо на глазах. Еще чуть-чуть, и он превратится в мелкое насекомое, едва заметное в ворсинках ковра, но продолжающее издавать злобное жужжание, так что Даниэлю не останется ничего, кроме как раздавить его подошвой.

– Ничего у вас не выйдет! – вдруг заявил Мальтар. – Ждете, что вам позвонит Демуан? – с ядовитой улыбкой поинтересовался он.

– Он мне уже звонил...

Мальтар замер с открытым ртом и уставился на Даниэля.

– Вам звонил Демуан? – чуть ли не по слогам спросил он.

– Да, – коротко ответил Даниэль, надевая пальто.

– И чего он хотел? – не отставал Мальтар.

– Предложил вместе позавтракать. В пятницу.

– Позавтракать с вами? – выдохнул Мальтар чуть слышно, словно эти простые слова, произнесенные громким голосом, могли, подобно каббалистическому заклинанию, вызвать катастрофу.

– Да, именно это он мне предложил.

Даниэль взял свой портфель и в наступившей тишине уложил в него папку с документами. Щелкнули металлические замки, давая сигнал к уходу. В лифте, спускаясь вниз, мужчины не обменялись ни единым словом. Расставаясь, они не пожали друг другу руки. Мальтар долго смотрел в спину Даниэлю, после чего зашел в первое попавшееся кафе и спросил двойную порцию рома. Ночью ему снился заместитель в пальто и черной шляпе.

Секретарша принесла круассаны и яйца в смешных вязаных колпачках. Наверное, чтобы не остывали, догадался Даниэль. Надо будет подать идею Веронике. Жан-Бернар Демуан сидел напротив него. Оба расположились в широких креслах, обитых белой кожей и стоящих возле окна кабинета на девятнадцатом этаже офиса “Сожетека” с великолепным видом на Париж. Подобная высота, вне всякого сомнения, внушала владельцу кабинета чувство превосходства над окружающими.

– Приступим, – сказал Демуан, решительно сдергивая с яйца колпачок. – Я – настоящий эксперт по варке яиц, – с улыбкой добавил он.

“Вон оно что”, – подумал Даниэль, кстати вспомнив, что разбивать верхушку яйца следует не ножом, как он обычно делал дома, а чайной ложечкой. Он тоже снял колпачок с яйца и разбил скорлупу.

– Даниэль, я не стану ходить вокруг да около. Ваш анализ положения в финансовом отделе произвел на меня сильное впечатление. – Даниэль хотел было ответить, что, мол, не сделал ничего особенного, но не успел и рта раскрыть. – Ничего не говорите, – продолжил Демуан. – Обойдемся без ложной скромности и напыщенных комплиментов. Кофе?

Директор подвинул ему чашку. Если бы еще пару дней назад Даниэлю сказали, что Демуан будет собственноручно наливать ему кофе, ему, привыкшему довольствоваться напитком в пластиковом стаканчике из автомата на восьмом этаже... Демуан окунул кончик круассана в свой кофе и, энергично работая челюстями, изложил – увереннее, чем любой предсказатель, – Даниэлю версию его будущего.

– Видите ли, – с апломбом человека, занимающего кабинет на верхнем этаже высотного здания, изрек он, – я знаю людей. Я знаю людей и знаю нашу компанию. В нашей профессии, – мечтательно добавил он, – сюрпризы редки. О способностях того или иного сотрудника можно судить по первому году его работы. Одни растут, другие – нет, но никаких сюрпризов не бывает. Вы следите за моей мыслью? – Даниэль с полным ртом кивнул, показывая, что да, следит. Демуан, не спрашивая, подлил ему кофе. – Надо обязательно пить кофе, – продолжил он. – Бальзак пил кофе литрами. Вы, разумеется, читали Бальзака?

– Разумеется, – подтвердил Даниэль, сроду не открывавший Бальзака. – У вас огромный потенциал. Почему вы занимаете в “Сожетеке” такую скромную должность? Она абсолютно не соответствует вашим способностям.

– Должность? – переспросил Даниэль. – Вы хотите сказать, что...

– Мальтар – придурок, – перебил его Демуан, – и всем об этом известно. Однако по причинам, которые вас не касаются, я не могу его уволить, как бы мне этого ни хотелось. Но я намерен назначить вас начальником финансового отдела. – Даниэль замер, не донеся круассан до чашки. – Даниэль! Я предлагаю вам возглавить финансовый отдел регионального филиала “Сожетека”. Я знаю, что вы парижанин до мозга костей, но в настоящий момент у меня нет для вас другой вакансии. Бывший руководитель отдела Пьер Маркуси покидает нас по личным обстоятельствам. Он не совсем здоров – это пока неофициальная информация. Вы поедете в Руан. Приступаете с января.

“Шляпа! Это все из-за шляпы – все события, которые перевернули его бытие”, – убедился Даниэль. С того самого дня, когда он впервые надел шляпу, ее наличие обеспечивало ему иммунитет против всех житейских неприятностей. Мало того, шляпа обострила его ум и подтолкнула к принятию кардинальных решений. Не будь шляпы, он ни за что не осмелился бы выступить на совещании и разгромить Мальтара. Не оказался бы на девятнадцатом этаже

высотного здания. Не ел бы с Демуаном яйца всмятку. Он смутно чувствовал, что в шляпе сохранилось что-то от президента; возможно, нечто нематериальное или существующее в виде наночастицы, но это нечто имело судьбоносное значение.

– Спасибо, – пробормотал Даниэль, обращаясь одновременно к шляпе и к шефу.

– Значит, вы согласны? – спросил Демуан, дожевывая последний кусок круассана.

– Согласен”, – глядя прямо ему в глаза, ответил Даниэль.

– Ну, в добрый час! – сказал тот, пожал ему руку и потянулся за яйцом, на котором не было колпачка. – Это не для вас, – с улыбкой пояснил он, после чего постучал черенком ложки сначала по острому, а затем по тупому концу яйца, запрокинул голову и высосал его содержимое. – Я каждое утро выпиваю по сырому яйцу. Моя маленькая слабость, – почти извиняющимся тоном произнес Жан-Бернар Демуан.

И месяца не прошло, а Даниэль, Вероника и Жером снова стояли на платформе вокзала Сен-Лазар, на сей раз в ожидании поезда 06781 “Париж – Гавр” с первой остановкой в Руане. Рядом с ними стояли пять битком набитых чемоданов. Мебель отправили грузовиком бретонской транспортной фирмы. Даниэль в черной шляпе задумчиво смотрел на убегающие вдаль рельсы – по ним должен был подкатить вагон, который унесет их к новой жизни. Вероника нежно сжимала его руку, а Жером дулся, недовольный разлукой со школьными приятелями.

Всю дорогу Даниэль вспоминал свои парижские годы, проведенные на четвертом этаже “Сожетека”. Коллеги в качестве прощального подарка преподнесли ему годовую подписку на “Канал-плюс”. Действительно, на протяжении последних двух лет в конторе бурно обсуждали появление платных телеканалов. Вся бухгалтерия, как не мог не заметить Даниэль, внезапно прониклась важностью “Канала”. Как выражалась пиарщица Флоранс, подписка на него стала *must*¹. Бернар Фальгу и Мишель Карнаван жарко спорили о передачах, которые телевизор Даниэля показывал только в виде помех. Собираясь возле кофейного автомата, сотрудники делились впечатлениями о фильмах, всего год назад шедших в кинотеатрах. Те, у кого была подписка на “Канал-плюс”, могли высказывать свое мнение, остальным приходилось только слушать, храня тягостное молчание. “Ты смотрел?” – спрашивали у Даниэля члены секты священного декодера. – “У меня “Канал-плюс” не принимает”... Ответ звучал признанием собственной несостоятельности, чем-то вроде рокового приговора. Но теперь у Даниэля тоже будет “Канал-плюс”. Он получил официальное уведомление от телекомпании под слоганом “Канал-плюс – это большой плюс!”. Компания выражала искреннюю радость от того, что Даниэль влился в ряды ее клиентов, и сообщала, что ему необходимо явиться в руанское отделение с настоящим письмом и квитанцией о подписке и получить вожеленный декодер. Отныне Даниэль сможет вести с новыми коллегами возле кофейного автомата содержательные разговоры о вчерашней передаче или фильме, показанном в 20.30. Не исключено даже, что он начнет получать удовольствие, небрежно бросая кому-нибудь из них: “Как, у вас нет “Канала”?.. Подпишитесь обязательно!”

Судя по тому, что ему рассказали, в новой квартире у них будет на две комнаты больше, чем в той, что давала им приют на протяжении двенадцати лет в Двадцатом округе Парижа. Узнав, что Даниэль неожиданно съезжает, ее владелец возмутился, как, впрочем, и директриса из школы, где учился Жером. И первому, и второй Даниэль ответил одной и той же фразой: “Мне очень жаль, но в жизни бывают обстоятельства...”, намеренно оборвав себя на полуслове. И эта недоговоренность поглотила, подобно черной дыре, любые возражения, какие мог бы выдвинуть собеседник. Ну в самом деле, что скажешь человеку, вынужденному подчиниться таинственному, но непреклонному требованию судьбы? Да ничего!

¹ Здесь: обязательным условием (англ.).

По прибытии в столицу Нормандии Даниэль назвал таксисту адрес в центре города. Они ехали уже минут пятнадцать, когда Вероника вдруг повернулась к мужу и, чуть нахмутив брови – он любил на ее лице это выражение, – спросила:

“А где твоя шляпа?” Время для Даниэля остановилось. По всему телу пробежала ледяная дрожь, словно сквозь него просочилось привидение. Со сверхъестественной ясностью он увидел шляпу, лежащую в багажной сетке вагона. Не в той, которую они заполнили другими вещами, а в той, что напротив. Шляпа в сетке. Его шляпа. Шляпа Миттерана. Торопясь на выход, он, еще не успевший привыкнуть к ношению головного убора, забыл ее взять. Даниэль допустил ту же промашку, что и глава государства. “Поворачивайте! – бесцветным голосом проговорил он и тут же заорал: – Поворачивай! Быстро!” “Пежо-305” совершил разворот и помчался назад, к вокзалу. Даниэль пулей вылетел из машины. Разумеется, поезд давно ушел. Никто не сдавал в бюро находок вокзала никакой шляпы. На протяжении последовавших дней, недель и месяцев Даниэль без конца звонил в это бюро. Когда он выучил номер наизусть, ему стало ясно: больше он никогда не увидит шляпу Миттерана. В тот же вечер Фанни Маркан вошла в купе поезда “Гавр – Париж” и положила чемодан в багажную сетку над местом номер 88. Напротив, на месте номер 86, сидел молодой длинноволосый парень в очках с тонированными стеклами и в наушниках от плеера. Его черная кожаная куртка пестрела наклейками с изображением лохматых белокурых музыкантов, тоже одетых в черную кожу. Сквозь оранжевый поролон наушников до Фанни доносились приглушенные звуки, и она узнала припев композиции *The Final Countdown* группы *Europe*. Лично ей эта группа не нравилась – с гораздо большим удовольствием она послушала бы новую звезду по имени Милен Фармер. Слова песен и атмосфера, создаваемая этой рыжеволосой девушкой с тревожными глазами, трогали Фанни гораздо больше, чем соло на электрогитаре в исполнении нечесаных пергидрольных рокеров. Сразу чувствовалось, что Милен Фармер – человек высокой культуры, читавший Эдгара По и Бодлера, что не могло оставить равнодушной Фанни, которая обожала читать и сама немножко пописывала.

Она достала из сумки общую тетрадь в розовой обложке. Три первые исписанные страницы содержали начало текста, скупо озаглавленного “Эдуар”. Учредители Премии Бальбека за лучший рассказ обещали победителю награду в 3 тысячи франков и публикацию в местном приложении к газете “Уэст-Франс”. Вручение награды должно было состояться в марте в “Гранд-отеле” Кабура. Фанни, сколько себя помнила, писала всегда. Сначала вела в тетрадках на пружинках дневник, потом сочиняла рассказы. Долгое время она никому их не показывала, но однажды решилась и отправила на конкурс рассказ под названием “Букет цветов”. И она вошла в число лауреатов! Денежной награды ей не присудили, но она была благодарна организаторам конкурса и испытала ни с чем не сравнимое чувство гордости. Рассказ “Меняю адрес” завоевал третье место на другом региональном конкурсе, а “День в порту” удостоился публичной читки на театральном фестивале в Гавре. В этом году конкурс на Премию Бальбека проходил под темой “Быль”, и Фанни, работавшая секретарем в налоговой инспекции, пыталась описать для будущих поколений историю своего романа с Эдуаром. Роман длился два года, пять месяцев и две недели. Эдуар Ланье трудился в парижской компании “Шамбурси”, занимающейся производством йогуртов, – их реклама заполонила улицы городов и без конца мелькала на телеэкране. Он руководил одним из отделов и был женат. В начале их связи он имел неосторожность сказать: “Я люблю тебя и брошу жену”. Бред, конечно. Этот молодой еще мужчина надеялся, что сумеет поддерживать в Фанни тихо тлеющий огонек страсти и устроиться наиболее удобным для себя образом. Осознав, что в их отношениях наметилась трещина, он, не отказываясь от своих обещаний, теперь настаивал на том, что она должна набраться терпения. Это был его главный аргумент: “Дай мне время... Мне нужно время... Требуется время...” За два прошедших года Эдуар буквально помешался на идее времени, переплунув в этом самых озабоченных швейцарских часовщиков. Он не мог вот так сразу взять и погово-

речь с женой; чтобы она поняла его и согласилась, что он имеет право начать жизнь сначала с другой женщиной, необходимо было время. Это проклятое время постепенно отравляло своим ядом их роман, поначалу такой восхитительный.

В номере гостиницы в квартале Батиньоль, где они встречались один или даже два раза в месяц, Эдуар, едва выбравшись из постели, завязывал в полумраке – ставни они держали закрытыми – галстук и, болезненно морщась, ждал от Фанни тихого вопроса: “Ты поговорил с женой?” Его лицо каменело, и по комнате проносился едва различимый вздох. “Пойми, мне нужно время”, – говорил он и горестно качал головой.

Несмотря ни на что, Фанни продолжала любить Эдуара. Она полюбила его в ту секунду, когда он поставил свой дипломат в купе поезда “Гавр – Париж”. Высокий, худощавый, волосы с легкой проседью, на подбородке – ямочка... Он полностью соответствовал представлениям Фанни о мужской красоте и принадлежал к тому типу мужчин, от которых она теряла голову. Разумеется, она заметила обручальное кольцо у него на пальце, но также заметила, что спустя несколько мгновений кольцо исчезло. На безымянном пальце остался след, но за время, пока поезд мчал их из Нормандии в столицу, он стерся. Она уронила журнал; Эдуар наклонился, поднял его и с улыбкой протянул ей. С этой улыбки началась их пылкая связь. Стоило Фанни закрыть глаза, и в ее памяти вновь оживал этот краткий миг, перевернувший ее жизнь. Вся сцена разительно напоминала рекламный ролик мужского парфюма: мужчина входит в купе вагона, где сидит хорошенькая женщина; она читает журнал; поезд трогается, женщина роняет журнал; мужчина нагибается его поднять; они сталкиваются взглядами; ее окутывает аромат его парфюма. И все – она полностью им околдована. Да, в ее жизни случился эпизод в стиле китч, словно сошедший с телеэкрана и заимствованный из какой-нибудь американской романтической комедии. С тех пор Фанни успела выучить наизусть маршрут поезда “Гавр – Париж”, изредка нарушаемый вариациями в виде остановки в Руане или Трувиле, где они встречались на пару часов. Фанни совершала примерно сорок пять поездок в год; за билеты всегда платил Эдуар; из графика исключались пасхальные и рождественские каникулы, а также летний отпуск, которые он, разумеется, проводил с семьей. Таким образом в свои двадцать семь лет Фанни обрела статус любовницы. Повышение до статуса жены оставалось под вопросом, как, впрочем, и продвижение по службе до должности секретаря директора налоговой инспекции. Что касается последнего, то в отделе кадров “внимательно изучали” ее личное дело. Эдуар, в свою очередь, “изучал” его не менее “внимательно”, демонстрируя волокиту, достойную государственной бюрократии.

– Тебя все устраивает, и я знаю, что ты никогда не бросишь жену, – разозлившись, однажды сказала она ему.

– Ничего подобного, – возразил он. – Я люблю тебя и не собираюсь всю жизнь прожить с женой. Да я и не смог бы. Между нами давно ничего нет. Мы спим в разных комнатах.

– Ну так и брось ее!

Эдуар печально покачал головой и произнес свое коронное:

– Для этого мне требуется время.

Фанни упала на подушку и уставилась в потолок гостиничного номера. “Ничего у нас с тобой не получится, – думала она. – Наше прошлое сводится к знакомству в поезде; наше настоящее – к номеру в отеле, а будущего у нас нет”. Фанни была права. С Эдуаром ее связывала только физическая близость. Она не могла прогуляться с ним по улице или пройти по магазинам. В тот единственный раз, когда они провели в Трувиле оба выходных, Эдуар каждую секунду оглядывался и вздрагивал, словно ожидал, что из-за ближайшего угла появится кто-нибудь из знакомых: сослуживец, приятель или, хуже того, подруга жены, неизвестно зачем оказавшаяся в маленьком нормандском порту. А вдруг их кто-нибудь увидит? То же самое с ресторанами. Они никогда не выбирались за пределы квартала Батиньоль, в котором Эдуара

не знала ни одна живая душа. Но даже здесь он беспрестанно вертел головой и дергался на каждый хлопок входной двери.

Если они встречались в Париже, Эдуар врал жене, что уезжает в командировку в провинцию или за границу. Ради этого ему приходилось изучать расписание движения поездов, принимать в расчет вероятные забастовки работников воздушных компаний, быть в курсе местных событий и празднеств, чтобы в случае чего быть готовым ответить на любой вопрос. Фанни понимала, что все эти ухищрения ему в тягость; зато ей не надо было отчитываться ни перед кем. Никто не ждал ее дома, разве что экран компьютерного сервиса “Минитель”, с помощью которого она обменивалась с ним электронными письмами, а иногда отправляла короткие сообщения среди ночи. Порой ей приходило на ум, что “Минитель” специально изобрели для тайных любовников.

Звонить Эдуару она не могла – ни домой, ни на работу. Они встречались на форуме “Алина-3615” – разумеется, под псевдонимами. Эдуар именовался “Альфа75”, Фанни – “Шупетта”. Если у него выдавался, приблизительно раз в месяц, свободный вечер, он отправлял Шупетте сообщение: “Можем встретиться с 22-го на 23-е. Ты как?” “На том же месте”, – отвечала она. Изредка они переговаривались по ночам через терминал. Эдуар бесшумно, как индеец племени сиу, поднимался с постели, на цыпочках, чтобы не скрипнула половица, пробирался в кабинет, включал “Минитель”, ждал, пока установится соединение, и обнаруживал, что Шупетта уже на линии. Они обменивались признаниями в любви и обещаниями. В верхней части экрана появлялась надпись “У вас новое сообщение”. Иногда сообщение Шупетте приходило не от Альфы75, а от кого-нибудь другого; как правило, оно содержало непристойное предложение и оставалось без ответа. Со своей стороны, Альфа75 тоже получал сообщения от мужчин, которые спрашивали, свободен ли он сегодня вечером и вообще, что его интересует – встреча в реале или просто возможность потрепаться. Сквозь дебри электронных соединений пробивал себе дорогу романтизм.

Фанни все глубже погружалась в эту тепловатую – ни жаркую, ни холодную – связь, позволявшую видаться с любимым раз или два в месяц, на протяжении пары часов, проведенных исключительно в постели. Она мечтала порвать с Эдуаром, но не находила в себе достаточно смелости. Ей уже не впервые приходилось испытывать это смешанное чувство смятения и страха. Она понимала: если их отношения не изменятся, все это может тянуться годами. Не зная, что написать в розовой тетради, Фанни завинтила колпачок на ручке и задремала. Часа через два она открыла глаза и осмотрелась. Поезд подходил к Парижу. За окном лило как из ведра. Она вздохнула – забыла прихватить зонтик. В этот миг ее взгляд упал на черную шляпу, лежащую в багажной сетке. Она еще раз огляделась. В вагоне оставалось всего пять пассажиров, и все пятеро сидели далеко от нее. Шляпа не могла принадлежать ни одному из них. Заскрежетали тормоза. Фанни встала, взяла из сетки шляпу и надела на голову. Посмотрела на свое отражение в темном вагонном окне. Ей шла эта шляпа. Да и от дождя защита.

Поля фетровой шляпы обхватывали голову плотным козырьком, сужая обзор до строго ограниченного коридора, протянувшегося до линии горизонта. Пока Фанни шла кварталом Батиньоль, какой-то мужчина обернулся на нее. Интересно, какое впечатление она производила – в джинсовой мини-юбке, босоножках, серебристой куртке и черной шляпе? Девушки родом из 80-х – свободной, сексуальной, даже легкодоступной?.. Она посмотрела на свое отражение в зеркальной витрине магазина одежды. В шляпе ее лицо приобрело непривычно благородные черты; кстати, чтобы шляпа не сползала на глаза, пришлось убрать волосы в пучок. Может, остановиться на этой прическе? И всегда выходить на улицу в мужской шляпе из черного фетра? Ей казалось, что этот головной убор наделил ее новой властью – тот же эффект производили шмотки от известных производителей, которые она позволяла себе слишком редко. Например, юбка на ней была от Ива Сен-Лорана, а босоножки – от Сони Рикель. Она

знала: стоит ей надеть юбку с лейблом *YSL*, и она немедленно начнет чувствовать себя красивой и соблазнительной. Аналогично дело обстояло с босоножками от Сони Рикель, за которые она выложила четверть месячной зарплаты: достаточно было затянуть на ноге тонкие ремешки, и она мгновенно становилась выше ростом, обретая гордую осанку и независимый вид. У нее даже походка менялась, делаясь гораздо более уверенной. Босоножки от Сони Рикель обладали тайной магией, и секретом этой магии владела она одна. Дождь кончился, и Фанни сняла шляпу. На кожаной ленте внутри шляпы она различила две выбитые золотом буквы: “Ф. М”. Неужели судьба до такой степени на ее стороне? Ведь это же ее собственные инициалы – ее зовут Фанни Маркан. “Ах ты моя хорошая... Ну уж я тебя не брошу”, – пробормотала она, поглаживая фетр, затем снова собрала волосы в пучок, надела шляпу и зашагала по улице еще более решительной походкой.

В квартале Батиньоль было безлюдно, лишь вдали мелькали редкие силуэты, тут же растворявшиеся в тени домов. До отеля, в котором ее ждал Эдуар, оставалось совсем недалеко. Наверное, смотрит телевизор или валяется на кровати и читает “Монд”. В холле Фанни прошла мимо портье. Он кивнул ей и заговорщически улыбнулся. Фанни ненавидела этого человека, прекрасно осведомленного о ее личных делах. Ей представлялось, как по ночам он бродит по гостиничным коридорам, с гаденькой улыбочкой прислушиваясь к доносящимся из-за дверей звукам, издаваемым неприкаянными любовниками, не имеющими, если не считать этого крошечного отеля, крыши над головой. Она стала подниматься по лестнице, таща за собой сумку. “Должно быть, сейчас пялится на ее ноги”, – подумалось ей. Вот и третий этаж, номер 26. Из-под двери доносился звук включенного телевизора. Участники передачи вели оживленную дискуссию. Фанни догадалась, что это передача “Право на ответ” – Эдуар любил ее смотреть. На съемочной площадке всегда стоял дым коромыслом, все орали, перекрикивая друг друга, порой казалось, еще чуть-чуть, и спор перейдет в драку; ведущий Мишель Полак обычно наблюдал за этим безобразием, покуривая трубку и насмешливо щурился глазами. Фанни постучала в тот момент, когда заканчивался еженедельный обзор новостей; пошли титры и закадровый голос объявил, что рисунки к программе выполнены художниками Синэ, Планту, Волинским и Кабю. Тут же раздался насмешливый голос актрисы Моники Тарбес, тоном рыночной торговки овощами возвестивший: “До будущей недели!”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.